УДК 821.161.1 Карамзин – 13.09:398.21

ПАМЯТЬ ЖАНРА БЫЛИНЫ В ПОЭМЕ Н.М. КАРАМЗИНА «ИЛЬЯ МУРОМЕЦ»

Щедрин И.Л., аспирант

Запорожский национальный университет, ул. Жуковского, 66, г. Запорожье, Украина

i.pawlenko2011@yandex.ua

В статье в свете созданной М.М. Бахтиным концепции памяти жанра анализируется жанровая специфика богатырской сказки Н.М. Карамзина «Илья Муромец» и характер проявления в её структуре элемента былины как более архаического жанра.

Ключевые слова: жанр, былина, богатырская поэма, волшебно-сказочная поэма, память жанра.

ПАМ'ЯТЬ ЖАНРУ БИЛИНИ В ПОЕМІ М.М. КАРАМЗІНА «ІЛЛЯ МУРОМЕЦЬ»

Щедрін І.Л.

Запорізький національний університет, вул. Жуковського, 66, м. Запоріжжя, Україна

i.pawlenko2011@yandex.ua

У статті за допомогою висуненої М.М. Бахтіним концепції «пам'яті жанру» проводиться аналіз «богатирської поеми» М.М. Карамзіна «Ілля Муромець» і характер прояву в її структурі елемента бувальщини як більш архаїчного жанру.

Ключові слова: жанр, билина, богатирська поема, чарівно-казкова поема, пам'ять жанру.

BYLINA'S GENRE MEMORY IN THE POEM "ILIA MUROMETS" BY N.M. KARAMZIN

Schedrin I.L.

Zaporizhzhya National University, Zhukovsky str., 66, Zaporizhzhya, Ukraine

i.pawlenko2011@yandex.ua

The author analyzes the heroic poem "Ilya Muromets" by N.M. Karamzin in the context of Russian epos, using M.M. Bakhtin's genre theory and the concept of the "genre memory". This problem is relevant in modern literary studies: there appear works about folklorism of the poem by Karamzin, but none of them has a complete study on the impact of this bylina on the poem. To solve this problem the article provides a comparative analysis of the main features of the literary work by Karamzin and genre differentiation criteria of bylina. The analysis is carried out according to 10 corresponding points: subject of works, individual authors' worldview, characteristic literary devices, social and aesthetic value of work, poetic characteristics, unpoetic formal characteristics, genre distribution, extraliterary distribution, author's definition of the genre. In the course of the study, the author for the first time establishes a narrative connection between the poem "Ilia Muromets" and prosaic "heroic fairy tale" by V.A. Levshin "Alyosha Popovich". The article notes the contradiction between the memory of bylina and Karamzin's poem: in the chronotope, in the characteristics of the protagonist, in poetics. The author's analysis concludes that bylina's genre memory in the poem "Ilia Muromets" appeared mainly in the rhythmical system. Influence of the other criteria of the genre memory on Karamzin's poem is insignificant. The author argues that the main reason for this is the fundamental difference of Karamzin's adjustment on fabrication and adjustment on strict authenticity, which was adhered by the narrators of folk tales. The author of this article concludes from his analysis that "Ilia Muromets" belongs to the inter-genre community of "heroic fairy tales". The author also suggests that namely deep contradictions between prior genres of Karamzin's poem (bylina, poem, literary fairy tale) led to the fact that the poem stayed unfinished.

Key words: genre, bylina, heroic fairy tale, magic fairy tale, genre memory.

Специфика обращения к фольклору и характера его интерпретации в творчестве Н.М. Карамзина – предмет исследования историков русской литературы на протяжении 2 веков. Интерес науки к творчеству Карамзина постоянен, однако наследие писателя настолько значительно и разнообразно, что отдельные аспекты литературного наследия Карамзина остаются менее исследованными, чем другие. Один из таких аспектов – фольклорная составляющая неоконченной «богатырской сказки» «Илья Муромец», созданной и опубликованной в 1795 г. в сборнике «Аглая». Дореволюционные и советские

исследователи творчества Карамзина не игнорировали эту проблему ([1], [2]), однако упоминали ее чаще всего вскользь, отмечая слабость корреляции поэмы с аутентичными русскими былинами. Показательно суждение Ю.М. Лотмана: «Карамзин обращается к русскому эпосу без желания проникнуть в его объективную художественную атмосферу» [3]. По мнению одного из авторитетнейших знатоков истории русской литературы XVIII в. Г.А. Гуковского: «Когда перед Карамзиным встал вопрос о романтическом воссоздании «колорита» личности, он предпочел строить романтические образы в окружении испанской рыцарской традиции или оссиановских легенд, чем обратиться к русскому фольклору» [2, с. 74]. Однако этими общими оценками исследователи ограничились. Фольклоризм поэмы стал объектом серьезного изучения лишь в последние годы, что свидетельствует и об актуализации интереса к жанрообразовательным процессам в русской литературе конца XVIII в., и об углублении представлений о специфике фольклоризма литературы этого периода. Стоит отметить, в частности, недавние исследования О.Э. Подойницыной [4], А.Д. Беньковской [5], Е.Г. Поздняковой [6].

Общим свойством современных работ является доминанта литературоведческого взгляда на поэму Н.М. Карамзина: и А.Д. Беньковская, и О.Э. Подойницына рассматривают произведение в контексте истории русской поэмы, творчества Карамзина, путей развития русской литературы в целом, однако при этом сопоставительному анализу поэмы и былины практически не уделяется внимания. В этих работах о фольклоризме поэмы «Илья Муромец», как и предшествующих, за рамками исследования осталась специфика былины как фольклорного жанра и сложность образа Ильи Муромца, по-разному раскрывающегося в вариантах былин. Несмотря на то, что в этих статьях есть меткие и верные замечания, их нельзя считать исчерпывающим исследованием фольклорных истоков поэмы – уже хотя бы потому, что пути и специфика передачи памяти жанра былины, как и литературная история поэмы, не раскрыты в исследованиях.

Память жанра – концепция, предложенная М.М. Бахтиным [7], и доказавшая свою продуктивность в исследовании неканонических литературных жанров, в структуре которых проявляются черты жанров-предшественников, как литературных, так и фольклорных. В рамках современного научного дискурса продуктивно такое определение: память жанра – неотъемлемая составляющая литературного жанра, онтологически выступающая в качестве зафиксированной или незафиксированной (т.е. на момент создания произведений существующей лишь в сознании авторов или реципиентов произведения) культурной традиции, влияющей на бытование данного жанра, а также всех его жанров-преемников и наследников. В узком понимании, адекватном теме настоящего исследования о влиянии фольклорного жанра на литературное произведение, память жанра – творческая инерция, которая определяет формальные и содержательные характеристики произведения на этапе его создания и прослеживается в завершенном произведении с помощью аспектного анализа. На возникновение и силу этой инерции оказывает непосредственное влияние восприятие читателя, оценка им произведений, читательский запрос.

Задача данного исследования – изучить и описать специфические черты памяти жанра былины в «богатырской поэме» Н.М. Карамзина, воспользовавшись концептуальным научным наследием М.М. Бахтина и последующих исследователей теории жанра.

На основе теории М.М. Бахтина и полемики вокруг нее в отечественном литературоведении (в частности, в трудах Б.В. Томашевского [8, с. 136]) предлагался перечень возможных черт памяти жанра, выраженных в исследуемом произведении или группе произведений:

1. Тематика произведений.

2. Характерное мировосприятие авторов.

3. Характерные для жанра литературные приемы.

4. Сюжетика и композиция произведений жанра.

5. Социально-эстетическое значение жанра (которое включает в себя его аудиторию и восприятие его читателем как низкого или высокого, массового или элитарного).

6. Поэтика: ритмика, лексика, фразеология и другие поэтические особенности, типичные для подавляющего большинства произведений жанра.

7. Непоэтические формальные характеристики текста (например, объем).

8. Жанровая дистрибуция (какие жанры генетически или тематически связаны с исследуемым, с какими происходит плодотворный обмен материалом).

9. Внелитературная дистрибуция (какие виды искусства зачастую вступают во взаимодействие с произведениями жанра).

10. Авторское определение жанра (чаще всего оно обладает большим значением, чем литературоведческая классификация, так как сопровождает произведение на всем протяжении его жизни в культуре и, влияя на рецепцию произведения, по сути, само является его частью) [9, с. 65].

Проанализировав поэму «Илья Муромец» в контексте русской литературы XVIII в. и русской былинной традиции, можно прийти к следующим выводам:

1. Поэма «Илья Муромец» посвящена богатырским подвигам, что отражено в самом названии произведения. Мотивационной базой для создания поэмы стало стремление Н.М. Карамзина на волне растущего интереса к народному творчеству (аутентичному или фальсифицированному – значения не имело, учитывая неспособность массового и даже элитарного читателя распознать подделку) ввести в круг образов и тем русской литературы былину. В связи с этой заявкой автора читатель имел право ожидать авантюрное повествование о подвигах, битвах, поединках, путешествиях, любовных приключениях героя-богатыря. На первый взгляд, поэма Карамзина соответствует такому ожиданию, поскольку посвящена любовному приключению Ильи Муромца. Но, как представляется, более продуктивным в изучении природы данной «богатырской поэмы» является подход, который не подразумевает ее рассмотрение в качестве произведения «о любви богатыря».

2. Восприятие эпохи Киевской Руси как идеального времени возникновения единой русской государственности – неотъемлемая характеристика русских былин. Причина, по которой подвиги былинных богатырей перенесены во время Киевской Руси, не является предметом научной дискуссии: как отмечал академик Б.Д. Греков, «народные симпатии обращены к тому времени, когда Русская земля, собранная под властью первых киевских князей из восточнославянских племен и некоторых неславянских этнических элементов в одно политическое целое, действительно представляла силу, грозную для врагов и в то же время дававшую возможность развитию мирного народного труда – залог дальнейшего будущего страны» [10, с. 9]. Именно это и обусловило особое отношение народа к былинам, с которым кардинально различна авторская позиция Карамзина, выраженная в поэме. Прежде всего, это различие касается установки на достоверность.

Показательны строки из программного предисловия поэмы Карамзина:

Ах! не всё нам горькой истиной
мучить томные сердца свои!
ах! не всё нам реки слезные
лить о бедствиях существенных!

На минуту позабудемся
в чародействе красных вымыслов! [11].

Такое отношение к былине глубоко чуждо сказателю. Былина в восприятии народа не признается, в отличие от сказки, поэтической фикцией. Напротив, как отмечали собиратели, «…северно-русский крестьянин, поющий былины, и огромное большинство тех, которые его слушают, – безусловно верят в истину чудес, какие в былине изображаются» [12, с. 12].

Такое различие в установке Н.М. Карамзина и сказателей былин, отмеченное и предыдущими исследователями проблемы ([4], [5]), задало основные характеристики поэмы. Однако стоит отметить, что установка Карамзина противоречива. С одной стороны, поэма – «сказка, вымысел»; с другой же стороны, основным аргументом Карамзина в пользу «русских басен, русских повестей» становится невозможность поверить, «чтобы бог Сатурн мог любезного родителя превратить в урода жалкого; чтобы Леды были — курицы и несли весною яица; чтобы Поллуксы с Еленами родились от белых лебедей» [11]. Это противоречие может быть разрешено только в одном ключе: если допустить, что античная мифология заслуживает «упреков» автора не столько за фактическую недостоверность (т.е. фантастичность), сколько за этическую и эстетическую. Карамзин оставляет пространство для такой трактовки. Сатурн не мог бы «превратить родителя в урода жалкого» не потому, что он не может, а потому что родитель «любезный». Леда не может нести яйца, как какая-то курица, потому что это не вяжется с образом прекрасной жены Тиндарея. Таким образом, выбор между «русскими баснями» и «дивными, странными вымыслами» античной мифологии – это выбор не между былью и выдумкой, а между «нашей» сказкой и «не нашей», мировоззренческий, а не логический.

Интересно и другое кардинальное отличие мировосприятия, выраженного в поэме «Илья Муромец» от былинного. Мир былин организован географически: в центре его находится стольный Киев-град, около центра или на периферии – конкретные географические объекты: реки (Почайна, Смородинка), города (Чернигов, Муром), села (Карачарово), горы и т.д. Конкретные топонимы, приводимые сказителями былин, имеют жанродифференцирующее значение и являются предметом продолжительного научного спора в рамках исторической школы былиноведения. В то же время мир поэмы «Илья Муромец» организован совсем не географически, а литературно. Греция, Троя, Италия, Парнас – не имеют пространственного значения у Н.М. Карамзина, а соответствуют литературной сети координат, в которой развивается действие поэмы. Так, зачин действия – отсылка к координатам античной литературы и мифологии, от которых автор отказывается в пользу «других сказок». В «беспредельной Русской области», описываемой автором, леса и равнины абсолютно лишены предметного значения, чего не скажешь о явно и четко ощущаемой автором стилистике идиллий Соломона Гесснера, которая оказывает определяющее влияние на пейзаж, описанный с позиции героя, который «имеет сердце нежное». Дальнейшее путешествие Ильи Муромца, через посредничество жанра молитвы, оканчивается в литературных координатах любовного романа, Карамзину наиболее близкого (что сказалось на продолжительности задержки героя в этой части повествования). Отсюда герою выхода уже нет, так как поэма на этом обрывается. Описание странствий Ильи Муромца в поэме Н.М. Карамзина выдает ее абсолютную литературоцентричность, совершенно чуждую сказителю былины. Былина – это художественная реальность второго уровня, наслаиваемая на реальный мир. Поэма Н.М. Карамзина – это уже реальность третьего уровня, «произведение о произведениях». Примечателен и тот факт, что носитель традиционной русской крестьянской культуры, будь он даже современником Н.М. Карамзина, не уловил бы «третьего слоя» и воспринял бы поэму как «повествование о событиях». Мы должны отступить от такой трактовки

произведения – поскольку она, очевидно, не характеризует и не исчерпывает художественного смысла «Ильи Муромца», а главное – совершенно не объясняет авторскую мотивацию к созданию поэмы. В то же время, восприятие «богатырской поэмы» как сугубо литературоцентричного произведения объясняет продолжительность и значительность программного предисловия и зачина поэмы. Объяснимо также, почему Н.М. Карамзин оставил фабулу без завершения: для него завершением поэмы было не фабульно-событийное ее окончание, а развязка художественного эксперимента. Таким образом, обрыв поэмы «на полуслове» (с точки зрения читателя, ищущего в поэме событийного смысла) – на самом деле закономерность.

3. Характерных для былины художественных приемов автор поэмы «Илья Муромец» практически не применяет. Можно заметить попытки выстраивания Н.М. Карамзиным символических параллелей между поведением или внешностью персонажей и описаниями природы: щеки Ильи Муромца автор не устает сравнивать с зарей, слабо прикрытые одеждой прелести анонимной «красавицы» – с холмиками, и проч. Тем не менее, все без исключения символические сравнения в поэме «Илья Муромец» не имеют ничего общего с былинными формулами. Особенно это заметно в описании образа богатыря.

4. Сама фабула поэмы «Илья Муромец», в основе которой лежит встреча богатыря со спящей в шатре девицей во время дальних странствий, может быть основана на былинном сюжете. По рассмотрении сюжетов об Илье Муромце, параллели с фабулой поэмы Н.М. Карамзина прослеживаются лишь в былине «Илья Муромец и дочь его» [13]. Завязка былины строится на том, что в окрестностях Киева появляется поляница с целью «разорить стольный Киев-град». Навстречу полянице выезжают поочередно три богатыря, но бой решается принять лишь Илья. В бою он одерживает победу, но потом происходит узнавание дочери, и Илья милует поляницу. Дочь, чувствуя обиду за бесчестье матери, пытается убить богатыря во сне, но гибнет от его руки. Итак, общий знаменатель с поэмой Н.М. Карамзина – встреча с девицей-богатырем (о чем свидетельствует наличие у нее доспехов). Поэма обрывается на моменте, когда полностью одетые в доспехи Илья Муромец и благодарная ему героиня сидят рядом друг с другом «под тенистыми кусточками» и две минуты молчат, после чего «чудо совершается». Мы едва ли узнаем, какое чудо имел в виду Н.М. Карамзин, но вероятность последующей битвы, узнавания в героине дочери богатыря и трагической гибели ее от рук Муромца – стремится к нулю. Кроме того, в описанных исследователями рукописях и списках былин XVIII века и старше, которые могли быть доступны Н.М. Карамзину, былины о встрече Ильи Муромца с дочерью не обнаруживается. Насколько известно, впервые эта былина зафиксирована П.Н. Рыбниковым от Трофима Рябинина в 1871 году в селе Кижи Петрозаводского уезда [14]. Былина является уникальным вариантом более распространенного сюжета о встрече Ильи с сыном, что уменьшает шансы на ознакомление с ней Н.М. Карамзина. Тем не менее, вопрос о влиянии данного сюжета на поэму нельзя считать закрытым.

В поисках истоков фабулы поэмы «Илья Муромец» имеет смысл отказаться от попыток сопоставить поэму с сюжетами былин о Муромце: сама логика образа «молодого героя-любовника» абсолютно чужда былинным сюжетам о вечно «старом» (но могучем) богатыре. Однако такой сюжет, с указанием на имя другого богатыря, Алеши Поповича, можно отыскать в литературной «богатырской сказке» XVIII века авторства В.А. Левшина. В оригинальной «Повести о Алеше Поповиче – богатыре, служившем князю Владимиру», входящей в сборник В.А. Левшина «Русские сказки», мы находим «жизнеописание» Алеши, сочиненное автором с опорой не столько на былины, сколько на европейские рыцарские романы. В самом начале своих странствий 13-летний, но уже могучий и смелый герой встречает шатер, в котором находится Царь-девица, чей сон оберегает невольник. По словам стража: «Богатыри не выдерживают ее ударов, а конь сей может сыскать духом, хотя бы я ушел за тысячу верст. Она ездит по свету, побивает

богатырей и недавно, проезжая Русскою землею, наделала ужасные разорения» [15, с. 196]. Тем не менее, смелый юный богатырь проникает в шатер с целью «отомстить за обиду земли». Однако, видя спящую девицу, Алеша убеждается, что «сама Лада, богиня любви, ничуть не имела столько прелестей, колико оных представилось ему» [15, с. 198] и предпочитает покрыть спящую поцелуями и ласками, предварительно связав. В дальнейшем он переправляет опасную Царь-девицу в Киев и передает ее князю Владимиру. Параллель с фабулой поэмы Карамзина очевидна, хотя и неполна.

То, что сюжет «Ильи Муромца» восходит к сказке В.А. Левшина, весьма вероятно по двум причинам: во-первых, «Русские сказки» ко времени написания поэмы выдержали уже несколько переизданий, получили славу со скандальным оттенком и были хорошо знакомы многочисленным читателям. Во-вторых, образ главного героя былины скорее схож с былинным образом Алеши Поповича – юного богатыря, известного любовными подвигами, хотя былинные сюжеты о нем не дают оснований заподозрить в Алеше сентиментальность или излишнюю «нежность» – а, скорее, авантюризм и ветреность. Аналогично, Илья в изображении Н.М. Карамзина не просто молод (как, например, Добрыня), но даже юн и красив. Красота является не только неотъемлемым качеством рыцаря в европейской романной традиции, но и свойством былинного богатыря – однако обычно особое на нее указание связывается с некими любовными подвигами героя. Алеша же в былинной традиции – богатырь, более других известный своими любовными приключениями: и с женой Добрыни Никитича, и с сестрой Збродовичей. Итак, логика фабулы поэмы «Илья Муромец» отлично сочетается с образом Алеши, каким он складывается в фольклорных и литературных произведениях, с которыми мог быть знаком Н.М. Карамзин. А вот былинному образу Ильи (литературных произведений об этом богатыре до Н.М. Карамзина не было) поэма противоречит, что отмечалось и ранее [2, с. 74]. В большинстве вариантов былин Илья выступает могучим старым богатырем – что и объяснимо, учитывая позднее начало его богатырской карьеры. В возрасте, какой мы предполагаем у героя поэмы Карамзина, Илья не мог и встать с печи, не то что ездить на коне. Кроме того, нет ни сюжетов о любовных подвигах Ильи, ни указаний на его «нежное сердце».

Ко всему прочему, Илью Муромца Н.М. Карамзин называет «чудодеем», что слабо коррелирует с фольклорным образом этого богатыря и с былинным мировосприятием вообще. В былинах образ волшебника/волшебницы в подавляющем большинстве случаев является крайне отрицательным, а образ богатыря – крайне положительным; таким образом, богатырь-волшебник – почти оксюморон. Противостояние богатыря и волшебницы составляет основу широко известного былинного сюжета о Добрыне и Маринке. При этом богатырь, от природы лишенный магических сил, в волшебном состязании проигрывает (превращается в тура), а выигрывает «на своем поле»: когда берет в руки «саблю вострую» и отсекает ведьме Маринке голову. Несмотря на то, что фольклорный образ Ильи Муромца связан с чудесным (чудесна как его сила, так и история ее обретения благодаря исцелению или в результате встречи со Святогором), чародеем или чудодеем он в былинах ни называется, ни изображается.

5. Место поэмы Карамзина в кругу чтения его современников в корне отлично от круга слушателей былин. Поэма «Илья Муромец» предназначена автором для образованной публики, взыскующей обращения к русским культурным корням, «национальной экзотики». Элитаристские взгляды Н.М. Карамзина на литературное творчество «выхолостили» народную «экзотику», однако его формальное новаторство было по достоинству оценено даже не столько современниками, сколько продолжателями – в частности, А.С. Пушкиным. Тем не менее, русскому крестьянству, бывшему хранителем подлинной былины, эстетика узкого аристократического круга ценителей и творцов новой отечественной литературы была чужда. Повлиять на былинный эпос поэма

Н.М. Карамзина не могла, однако она оказала значительное воздействие на дальнейшие судьбы «богатырской поэмы» в русской литературе, сместив баланс с аутентичного русского фольклорного начала в пользу «интернационально-сказочного».

6. Новаторство Н.М. Карамзина, состоящее в попытке передать тонический стих русских былин, не подлежит сомнению. Для Карамзина в этой попытке и состояла по преимуществу народность его поэмы. Тенденция, отраженная автором «Ильи Муромца», вылилась в господство в русской поэзии силлабо-тонического стихосложения. Механизмы, обусловившие использование Н.М. Карамзиным тонического стиха, иллюстрируют сложность реконструкции путей памяти жанра в судьбе произведения. На момент создания «Ильи Муромца» потенциально доступны для Н.М. Карамзина были рукописные источники с нотной записью, по которым он мог понять и восстановить музыкально-ритмическую природу русских былин. Уже В.А. Левшин в «Русских сказках» приводит фрагменты былин, записанные короткими строчками, как принято в песнях и стихах – и уже из этих строчек основные ритмические характеристики былинного стиха более или менее понятны [15, с. 139].

Примечание Н.М. Карамзина к поэме «В рассуждении меры скажу, что она совершенно русская. Почти все наши старинные песни сочинены такими стихами» обусловило комментарии исследователей о неправоте автора «богатырской поэмы». Так, А.Д. Беньковская отмечает: «Авторские утверждения, что этот тип организации речи был исконно народным (все песни «сочинены таким размером»), являются иллюзией (подлинные народные формы ритмизации появятся в творчестве поэтов-декабристов, у А.С. Пушкина: раешный стих, тонический, тактовик и др.)» [5, с. 65]. Такая неправота позволила бы нам сделать вывод о слабом знакомстве Н.М. Карамзина с народным стихом – однако в действительности слова «такими стихами» очень мало обязывают автора поэмы «Илья Муромец» к доскональному соблюдению русских народных размеров. Под «такими» Карамзин вполне мог иметь в виду «безрифменными». Так или иначе, стих Н.М. Карамзина куда ближе к былинному, чем все, что было создано до «Ильи Муромца» в русской литературе карамзинского времени. Эффект стилизации, как замечала А.Д. Беньковская [5, с. 65], достигается в основном за счет дактилических и безрифменных клаузул. Что же касается замечания о «несоответствии четырехстопного хорея народной метрике» [5, с. 65], то оно справедливо лишь отчасти: тонический стих многих былин тяготеет к хореической ритмике. Это отмечал, в частности, М.Л. Гаспаров: «Если сравнить тактовиковый ритм «Повести о Горе и Злочастии» (XVII в.) с тактовиковым ритмом былинных записей Кирши Данилова (XVIII в.), то мы увидим: и там, и здесь в метрическую схему 3-иктного тактовика укладывается не менее 4/5 всего текста, а среди ритмических вариантов этой схемы преобладают хореические» [16, с. 44]. Таким образом, можно констатировать близость ритмических характеристик «Ильи Муромца» к былинному стиху. Причиной такого новаторства могло стать знакомство Н.М. Карамзина уже в период появления поэмы с русским богатырским эпосом.

С лексической точки зрения память жанра былины в произведении Н.М. Карамзина практически не выражена. Кроме маркирующего былинный жанр слова «богатырь» (который, впрочем, Н.М. Карамзин приравнивает к слову «рыцарь»), лексическая структура поэмы совершенно не былинна: Карамзин избегает архаизмов, историзмов, диалектизмов. Попытки подражать былинной фразеологии в поэме есть: Илья Муромец едет «на статном соловом коне», держит в руках «копье булатное». Тем не менее, фразеология Карамзина в подавляющем большинстве случаев авторская, а не фольклорная.

«Черный щит», «пернатый шлем», «голубой шатер» (вместо традиционного «бел шатер»), «уста малиновы» (вместо былинного «сахарные», «медовые») и большинство деталей описания убранства богатыря и его оружия являются или переосмыслением былинных

формул (а, следовательно, их разрушением), или же созданы автором без опоры на фольклорный эпос. Такое расхождение с былинными устойчивыми эпитетами – признак глубокого различия между «богатырской поэмой» Н.М. Карамзина и русским фольклорным эпосом. В то время как постоянные эпитеты играли в бытовании былин огромную функциональную роль, упрощая запоминание и воспроизведение песен, для литератора Н.М. Карамзина эта функция эпитета неактуальна. Напротив: разрушать былинные формулы его заставляет установка на новаторство, свойственная литературному творчеству, в отличие от фольклорного. Стоит также отметить, что в былине описанию убранства богатыря, его оружия, коня обычно отводится больше места, чем описанию пейзажа. У Н.М. Карамзина – с точностью до наоборот, что также подчеркивает противоречие поэтических характеристик поэмы «Илья Муромец» народной былинной традиции.

7. Объем поэмы «Илья Муромец» сопоставим с объемом средней былины, однако, учитывая, что поэма не завершена, можно предположить гораздо большую ее продолжительность, на уровне других богатырских поэм (например, «Алеши Поповича» Н.А. Радищева). Если рассматривать поэму Н.М. Карамзина в одном ряду с авантюрными повестями авторов XVIII века о богатырях, то правомерно предположение, что фабула недописанной поэмы едва успела завязаться.

8. В программной преамбуле поэмы Н.М. Карамзин характеризует ее жанровую дистрибуцию в соответствии со своими художественными воззрениями: «сказки», «русские басни, русские повести», «русские были с небылицами». Былинам такая дистрибуция несвойственна, даже если исключить из списка Н.М. Карамзина сугубо литературный жанр басни.

9. В то же время, разбор этого аспекта возможного сохранения памяти жанра возможен лишь в контексте сопоставления двух массивов произведений, а не одного произведения с массивом. Можно констатировать, что русская былина включена в относительно узкий круг близких фольклорных жанров: прозаический пересказ былины, народная богатырская сказка, историческая песня. «Илья Муромец», с одной стороны, может рассматриваться как поэма с волшебно-сказочным колоритом. С другой стороны, связь (сюжетная и стилистическая) с «богатырской сказкой», «богатырской оперой», другими «богатырскими поэмами» позволяет рассматривать ее в контексте межжанрового единства произведений русской литературы второй половины XVIII – нач. XIX вв., написанных по мотивам или под определенным влиянием былин.

10. Автор поэмы «Илья Муромец» однозначно определил ее как «богатырскую поэму». Значимость этого определения трудно переоценить, поскольку оно включает произведение в широкий жанровый контекст, причем не только былинный. «Богатырские сказки» к тому времени уже обрели популярность: к моменту создания «Ильи Муромца» были известны сказки о богатырях авторства В.А. Левшина, М.Д. Чулкова, М.И. Попова, причем повести Левшина имели авторское определение «богатырские сказки». После Н.М. Карамзина русские авторы продолжали создавать богатырские поэмы, подготавливая почву для расцвета романтизма – даже если при создании этих произведений доминировали классицистические принципы (как, например, в пьесе И.А. Крылова «Илья-Богатырь» или комедиях Екатерины II «Новгородский богатырь Боеславич» и «Горе-богатырь Косометович»). Поэма Н.М. Карамзина повлияла на последующих авторов стихотворных сказок и поэм по мотивам русских былин и волшебных сказок. Оценка этого влияния и специфики проявления памяти жанра в произведениях предшественников и преемников Н.М. Карамзина достойна быть предметом отдельного исследования.

Анализ поэмы Н.М. Карамзина дает основания утверждать: память жанра былины определила ряд характеристик этого произведения. При этом взаимодействие в рамках одного произведения памяти множественных литературных жанров-предшественников (литературная сказка, поэма) нередко вступало в противоречие с памятью жанра былины. Н.М. Карамзин не мог не чувствовать, насколько далеко его мировосприятие и формирующийся творческий результат от народного богатырского эпоса. Можно предположить, что именно поэтому поэма «Илья Муромец» навеки осталась незавершенной, а в истории русской эпиграммы появился насмешливый призыв А.С. Пушкина «И, бабушка, затеяла пустое! Докончи нам Илью-богатыря».

ЛИТЕРАТУРА

1. Берков П.Н. Жизнь и творчество Н. М. Карамзина [Текст] / П. Н. Берков, Г. Макогоненко // Карамзин Н. М. Избранные сочинения : в 2 т. / Н. М. Карамзин. М.; Л. : Худож, лит, 1964. – Т. 1. – С. 5–78.
2. Гуковский Г.А. Карамзин / Г.А. Гуковский // История русской литературы: в 10 т. / АН СССР. Ин-т лит. (Пушкин. Дом). — М.; Л.: Изд-во АН СССР. – Т. V. Литература первой половины XIX века. – 1941. / [Электронный ресурс]. – Режим доступа к документу: http://feb-web.ru/feb/irl/il0/il5/il520552.htm.
3. Лотман Ю.М. Поэзия Карамзина // О поэтах и поэзии / Ю.М. Лотман. – СПб., 1999 / [Электронный ресурс]. – Режим доступа к документу: http://rvb.ru/18vek/karamzin/1bp/03article/article.htm
4. Подойницына О.Э. «Богатырская сказка» Н.М. Карамзина [Текст] / О.Э. Подойницына // Преподаватель XXI век. – 2012. – N 2, ч. 2. – С. 373–378.
5. Беньковская А.Д. Фольклорные рецепии в позме Н. М. Карамзина «Илья Муромец» // Проблеми сучасного літературознавства. – Одесса : Маяк, 2004. – С. 62–68.
6. Позднякова Е.Г. Фольклоризм прозы Н.М. Карамзина : автореф. дисс. канд. филол. наук, специальность 10. 01. 09 – фольклористика / Е.Г. Позднякова / [Электронный ресурс]. – Челябинск, 2003. – Режим доступа к документу: http://referat.znate.ru/text/index-27456.html.
7. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского / М.М. Бахтин. – М. : Советская Россия, 1979. – 320 с.
8. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика : учеб. пособ. / Вступ. статья Н.Д. Тамарченко; Комм. С.Н. Бройтмана при участии Н.Д. Тамарченко / Б.В. Томашевский. – М. : Аспект Пресс, 1999 .– 334 с.
9. Щедрін І.Л. Проблема пам’яті жанру в міждисциплінарному науковому дискурсі / Ігор Щедрін // Вісник Запорізького національного університету: Збірник наукових статей. Філологічні науки. – Запоріжжя : Запорізький національний університет, 2011. – № 1. – С. 58–67.
10. Греков Б.Д. Киевская Русь / Б.Д. Греков. – М. : Госполитиздат, 1953. – 568 с.
11. Карамзин Н.М. Илья Муромец / [Электронный ресурс] / Н.М. Карамзин /. – Режим доступа к документу: http://rvb.ru/18vek/karamzin/1bp/01text/01text/073.htm.
12. Гильфердинг А.Ф. Онежскія былины, записанныя Александромъ Федоровичемъ Гильфердингомъ летомъ 1871 года / А.Ф. Гильфердинг. – СПб. : Типография Императорской академии наук, 1873. – 732 с.
13. Илья Муромец и дочь его [Электронный документ] // Илья Муромец. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – С. 207–217. (Лит. памятники). / [Электронный ресурс]. – Режим доступа к документу: http://feb-web.ru/feb/byliny/texts/imu/imu-207-.htm.
14. Комментарий [Электронный документ] // Илья Муромец. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1958. – С. 447–518. (Лит. памятники). / [Электронный ресурс]. – Режим доступа к документу: http://feb-web.ru/feb/byliny/texts/imu/imu-447-.htm.

15. Левшин А.В. Русскія сказки / В.А. Левшин. – М. : Университетская типография Н. Новикова, 1780. – 520 с.
16. Гаспаров М.Л. Очерк истории русского стиха / М.Л. Гаспаров. – М. : Фортуна Лимитед, 2000. – 351 с.

REFERENCES

1. Berkov, P.N., Makogonenko G.P. (1964) "Life and Works of N.M. Karamzin", *Zhizn i tvorchestvo N.M. Karamzina*. – Moscow–Leningrad : Khudozhestvennaia literatura, Vol. 1, pp. 5–78. (rus)

2. Gukovskii, G.A. (1941) Karamzin, "History of Russian Literature", *Istoriia russkoi literatury.* – Moscow – Leningrad : AS USSR. V. 5., 1941. URL : http://feb-web.ru/feb/irl/il0/il5/il520552.htm. (rus)

3. Lotman, Yu M. (1999) "Karamzin's Poetry", *Pojeziia Karamzina*. – Saint Petersburg. URL : http://rvb.ru/18vek/karamzin/1bp/03article/article.htm. (rus)

4. Podoinitsyna, O. J. (2012) "Karamzin's "Heroic Fairy Tale"", *«Bogatyrskaia skazka» N.M. Karamzina*. – Prepodavatel XXI vek. – N 2, Part. 2. Pp. 373–378. (rus)

5. Benkovskaia, A.D. (2004) "Folklore receptions in N.M. Karamzin's poem "Ilia Muromets", *Folklornyie retsepii v poeme N.M. Karamzina «Ilia Muromets».* – Odessa : Maiak, pp. 62–68.

6. Pozdniakova, ye.G. (2003) "Folklorism of N.M. Karamzin's prose", *Folklorizm prozy N.M. Karamzina*, Cheliabinsk. URL : http://referat.znate.ru/text/index-27456.html. (rus)

7. Bakhtin, M.M. (1979) "Problems of Dostoevskii's poetics", *Problemy poetiki Dostoevskogo*, Moscow : Sovetskaya Rossiia. – 320 p.

8. Tomashevskii B.V. Teorija literatury. Poetika [Theory of Literature. Poetics]. Moscow : Aspekt Press, 1999. – 334 p. (rus)

9. Shchedrin, I.L. (2011) "Problem of the genre memory in interdisciplinary scientific discourse", *Problema pamiati zhanru v mizhdistsyplinarnomu naukovomu dyskursi*, Visnik Zaporizhkoho natsionalnoho universitetu: Zbirnyk naukovykh statei. Filolohichni nauky, № 1. pp. 58–67.

10. Grekov, B.D. (1953) "Kyiv Rus", *Kievskaia Rus*. – Moscow : Gospolitizdat. – 568 p.

11. Karamzin, N.M. "Ilia Muromets", *Ilia Muromets*, URL : http://rvb.ru/18vek/karamzin /1bp/01text/01text/073.htm. (rus)

12. Gilferding, A.F. (1873) "Onega bylinas reordered by Alexander F. Hilferding in summer 1871", *Onezhskiia byliny, zapisannyia Aleksandrom Fedorovichem Gilferdingom letom 1871 goda*, Saint Petersburg : Tipografiia Imperatorskoi akademii nauk, 1873. – 732 p. (rus)

13. Ilia Muromets and his daughter (1958), *Ilia Muromets i doch ego*, Leningrad : Izdatelstvo AN SSSR, pp. 207–217. URL : http://feb-web.ru/feb/byliny/texts/imu/imu-207-.htm. (rus)

14. Commentarii (1958), *Kommentarii* // Ilia Muromets, Moscow–Leningrad. : Izdatelstvo AN SSSR, pp. 447–518. URL : http://feb-web.ru/feb/byliny/texts/imu/imu-447-.htm. (rus)

15. Levshin, A.V. (1780) "Russian Tales", *Russkiia skazki*, Moscow : Universitetskaia tipografiia N. Novikova. – 520 p.

16. Gasparov, M.L. (2000) "Essay on the History of Russian Verse", *Ocherk istorii russkogo stikha*, Moscow : Fortuna Limited. – 351 p.